

Юрий КРИВОНОСОВ

**ЗА ТЕХ,
КТО В МОРЕ**

Москва

Юрий Кривоносов

За тех, кто в море

«ВЕЧЕ»

2017

Кривоносов Ю. М.

За тех, кто в море / Ю. М. Кривоносов — «ВЕЧЕ», 2017

Книга эта — о моряках, если моряками считать людей, причастных к работе на море вообще, а не только тех, кто плавает на каком-либо средстве передвижения по солёной воде

© Кривоносов Ю. М., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

К читателю	5
Человек чистой воды	11
Звёзды Персея	20
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Кривоносов

За тех, кто в море

К читателю

«Все бури обратятся только к славе России!»
Адмирал Нахимов.

Мне кажется, что я имею право на такую книгу, потому что побывал на множестве морей и на всех пяти океанах, если причислить к ним и воздушный, к тому же дважды пересек Бермудский треугольник...

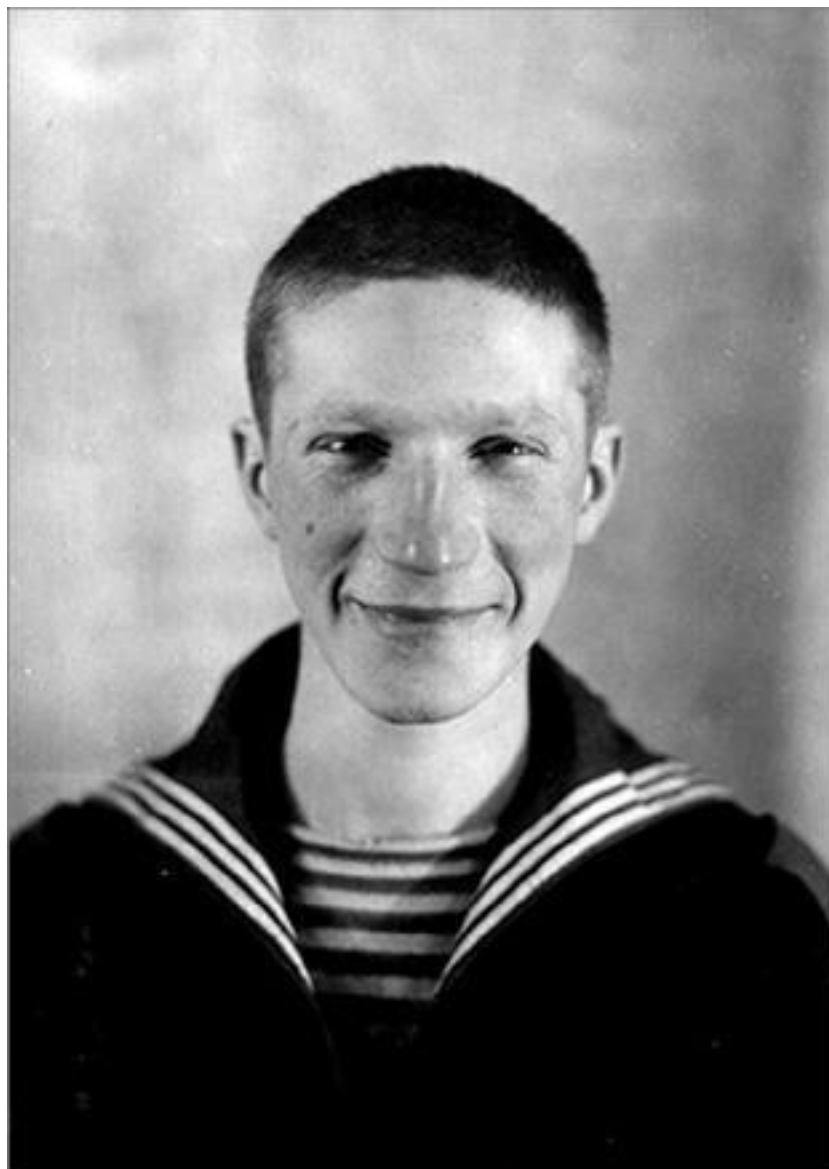
Но к моему стыду должен признаться, что при первой встрече с морем повел себя, прямо скажем, не лучшим образом. Произошло это в Одессе, на Лонжероне – впервые увидев воочию воду, уходящую за горизонт, как последний трус помчался прочь, перепуганный набегающей волной, и было-то той волны всего сантиметров тридцать-пятьдесят...

Книга эта – о морях, если морями считать людей, причастных к работе на море вообще, а не только тех, кто плавает на каком-либо средстве передвижения по солёной воде...

Одесса. 1936 Северный флот. 1944.

Итак – рассказ пойдет о людях разных профессий, об их работе, рассматриваемой как романтика главным образом теми, кто любит море с берега, а корабль на картинке... Впрочем, резон тут есть – если бы романтика в морском деле отсутствовала, то вряд ли и калачом можно было бы заманить такую бездну народа на пожизненное служение делу, под которым столь зыбкий фундамент и столь глубокая бездна... Но вообще-то фундаментом здесь служит главным образом сила человеческого духа и способность к постижению красоты, порой красоты весьма сурового свойства... Правда, те, кто работает в море, мало задумываются над подобными вопросами – им некогда, они должны делать свое дело, исполнять свои повседневные обязанности с высоким качеством, потому что делать здесь что-либо плохо нельзя – не такое это место – оно не прощает небрежности и недобросовестности, как не прощает трусости, лов-качества, легкомыслия, карьеризма...

Тихоокеанский флот. 1945.

Читатель, следуя по пятам за героями этой книги, будет иметь возможность подорваться на mine, опуститься в гидростате в царство Нептуна, добывать рыбу в семибальный шторм, слетать на макушку Земли (разумеется, в планетарном смысле, потому что земли, как таковой, там нет, а только та же пучина, прикрытая ледовым панцирем), и, наконец, прокалившись на лютном полярном ветру, пожариться под знойным солнцем тропиков и потоптаться по своей собственной тени...

Москва. 1985.

Иначе говоря, читатель совершит вместе с автором несколько морских путешествий – разных, необычных и познавательных. После этого он будет в определенной степени профессионально сориентирован и сможет при желании выбрать какую-нибудь из подсказанных морем специальностей, или, хотя бы, любую сухопутную, если почувствует себя в морской стихии не совсем уютно...

В этой книге нет ничего придуманного – все рассказанное происходило на самом деле, но, естественно, было растянуто во времени, потому что и сам автор волею судеб оказался связанным с морем практически на протяжении всей своей жизни: в десять лет он впервые

увидел море и возмечтал стать военным моряком, в семнадцать мечта его осуществилась, в двадцать пять «сошел на берег» после семи с половиной годов службы в морской авиации и стал журналистом, но довольно часто возвращался в родную стихию, чтобы рассказать людям о тружениках моря...

Заранее прошу прощения за вольное обращение с морской терминологией, ибо она имеет и литературное и корпоративное употребление, и, скажем, слова КОРАБЛЬ и СУДНО могут быть отнесены и к военному, и к гражданскому ведомству. Также можно сказать – СЛУЖИЛ НА ФЛОТЕ или СЛУЖИЛ ВО ФЛОТЕ. Впрочем, в каждом деле есть своя специфика, так что не будем впадать в снобизм...

Юрий Кривонос.

P.S. Все фотографии в этой книге, кроме тех, на которых я сам присутствую, сделаны лично мной, чем я ужасно горжусь, ибо всегда старался слить воедино текст и изображение. А тут вот мне никто не мог помешать это делать...

Человек чистой воды

По очереди с остервенением рвем за шнурок – толку никакого. Маленький моторчик на редкость упрям, издает какие-то булькающие звуки, а работать отказывается.

На бревнах, которые мы хотим превратить в дрова, спокойно восседает бакенщик Николай Михайлович или попросту Михалыч, смотрит на наши мучения, и в конце концов не выдерживает:

– Чудной вы народ, ребята, рассудительности у вас никакой, одна горячка. Тяп-ляп не выйдет. Сначала осмотрим пилу... Теперь мотор...

Он прошелся пальцами по рычажкам и кнопкам, как музыкант по клавишам, взялся за шнурок, степенно дернул. Мотор чихнул и тут же застрекотал, звонко и обрадовано. Из-под звеньев пилы помчались светлые ручейки опилок, и один за другим от бревна стали отскакивать ровные чурбаки. Однако, уже на третьем бревне Михалыч заглушил мотор:

– Айда-те, братцы, к воде – там какие-то деятели чалятся.

«Деятелями» оказались двое мальчишек. Один, остроносый с нечесаной кудлатой шевелюрой вывалил из лодки огромный разлапистый якорь на тонкой бичевке, другой – щекастый и лопухий, в ремесленной фуражке, похожий на гимназиста, накрутил ручку патефона, и тот простужено захрипел какое-то ископаемое танго. Ознаменовав таким образом свое прибы-

тие, они достали замусоленную карту, взглянули на название дебаркадера и обвели кружочком точку – Черный Яр.

– Куда направляетесь, морячки? – осведомился бакенщик.

– Поднимемся по Двине до Холмогор поначалу, а там посмотрим...

Ребята покрутили еще с полчаса свою шарманку и отправились дальше, а мы с Михалычем пошли чаевничать.

В домике был беспорядок, сопутствующий ремонту – навалены рейки, листы фанеры, краска, инструменты. Впрочем, все это в первой комнате – вторая уже сияла белизной побелки, яичное солнце играло на свежевывкрашенном полу.

Михалыч подошел к пульту, утыканному выключателями и предохранителями, что-то нажал. Загудел селектор, откликнулись голоса.

– Петрович, – позвал он какого-то своего коллегу. – Там к тебе после обеда притопают на веслах два робинзона, так ты их дальше не пускай, гони назад в Архангельск, чтоб до темноты домой успели. Лодка у них без фонаря, а мозги без понятия, не дай бог, под пароход угодят. Матерей им чертям не жалко...

– Добро, Михалыч, – отозвался тот, – бывай здоров!

– Затянул ремонт за делами, – говорит бакенщик, прихлебывая чай, – да и новое это для меня ремесло – раньше больше взрывами занимался, по минёрской специальности. А тут надо оборудоваться посolidней, на долгую жизнь – в списках-то я давно на том свете числюсь, и костлявая не скоро меня хватится. Почему на том? Опять же по минёрской части. До войны на Амуре служил, еще в тридцать шестом японские мины тралил, что от интервенции остались, а в сорок третьем перекинули нас на Черное море. Попал, было, в морскую пехоту, во взвод конной разведки. А какой из меня кавалерист – смехота! Учился лозу рубить – кобыле ухо отсек напрочь. К счастью, вскорости катера получили, занялись тралением – порты черноморские очищали от мин, и шло все спокойно, пока в Севастополе не грохнуло. Под вечер было, к пирсу шли, когда возьми да всплыви магнитно-акустическая. А мы баржу, что за собой таскали с приманками на эти мины, уже на короткий буксир взяли. Ну и шарахнуло. Механика с пулеметчиком за борт сбросило, минёру пятку палубой раздробило – такой удар был, а меня по спине ящик с боекомплектom ахнул, спасибо лента была в пулемет заправлена, самортизировало малость, а то бы крышка – сорок килограммов в нем весу.

Пришел в себя, огляделся – компас вверх ногами, бинокль на мачте висит, фуражка улетела, в волосах ракушки, китель илом оштукатурило, аж пуговиц не видно. Ну, понятно, попал в госпиталь, а там с кем-то меня перепутали, прислали домой похоронку. Ну, я поправился, и в отпуск. Мать как увидела в дверях, так от стула, как в гипнозе по сантиметру поднимается, и лицо на глазах сереет. Я напугался: – Мама, говорю, не волнуйтесь, не привидение это, а сын ваш живой, можете ощупать. Конечно, слез было... Потом уехал довоевывать да дослуживать, а в пятьдесят шестом демобилизовался по болезни и в Архангельск. Пенсию добрую дали, квартиру в городе. Пожил малость – не могу без воды: четверть века ведь на флоте отслужил и все командиром катера... На суда нельзя, здоровье не то, пошел в бакенщики. Квартиру отдал без сожаления и переселился сюда на пост.

Двина – река серьезная, и работа опять же для людей – сам водил суда, цену ночным огонькам знаю. Место тут как будто тихое, а покою не бывает, то свое хозяйство техническое проверяешь, то с шоферами лаешься – корма тут сгружают с барж, а они вывозят. Как забуксует машина, хлоп мешок под колеса. Разве это дело? И их вроде винить нельзя – дороги нету, после дождя размазня одна. Я из-за этого со всем местным начальством переругался, за одно и за кладбище корабельное – гниет поблизости за мыском железа тьма. Один пароходишко, правда, после того порезали, да опять забыли. И почему это без ругани у людей память коротеет?

Опять же перед ночью поспать мне требуется. Почитать даже некогда, журналов выпи-сываю много, да все зимы дожидаются – тогда с женой перешерстим их от корки до корки, и книг проглотим множество. А летом не до того, летом река кипит, что днем, что ночью...

Река действительно жила напряженно: мчались белыми стрекозами «Ракеты», в их выпуклых глазах – окошках застыло изумление от собственной скорости; не спеша, топали буксиры, волоча вязанки барж, за которыми тянулся к берегам переливчатый волнистый шлейф. С наступлением темноты суда исчезли, остались только огоньки – белые, зеленые, красные. Одни двигаются медленно, другие быстро.

– Прилив, – говорит Михалыч, – море близко. А вот и мои огоньки – вон на бугре, это столбы, а те на воде. Некоторых отсюда и не видно, за поворотом прячутся. Если хотите все посмотреть, пошли со мной на обход, сейчас только велосипед возьму и двинем...

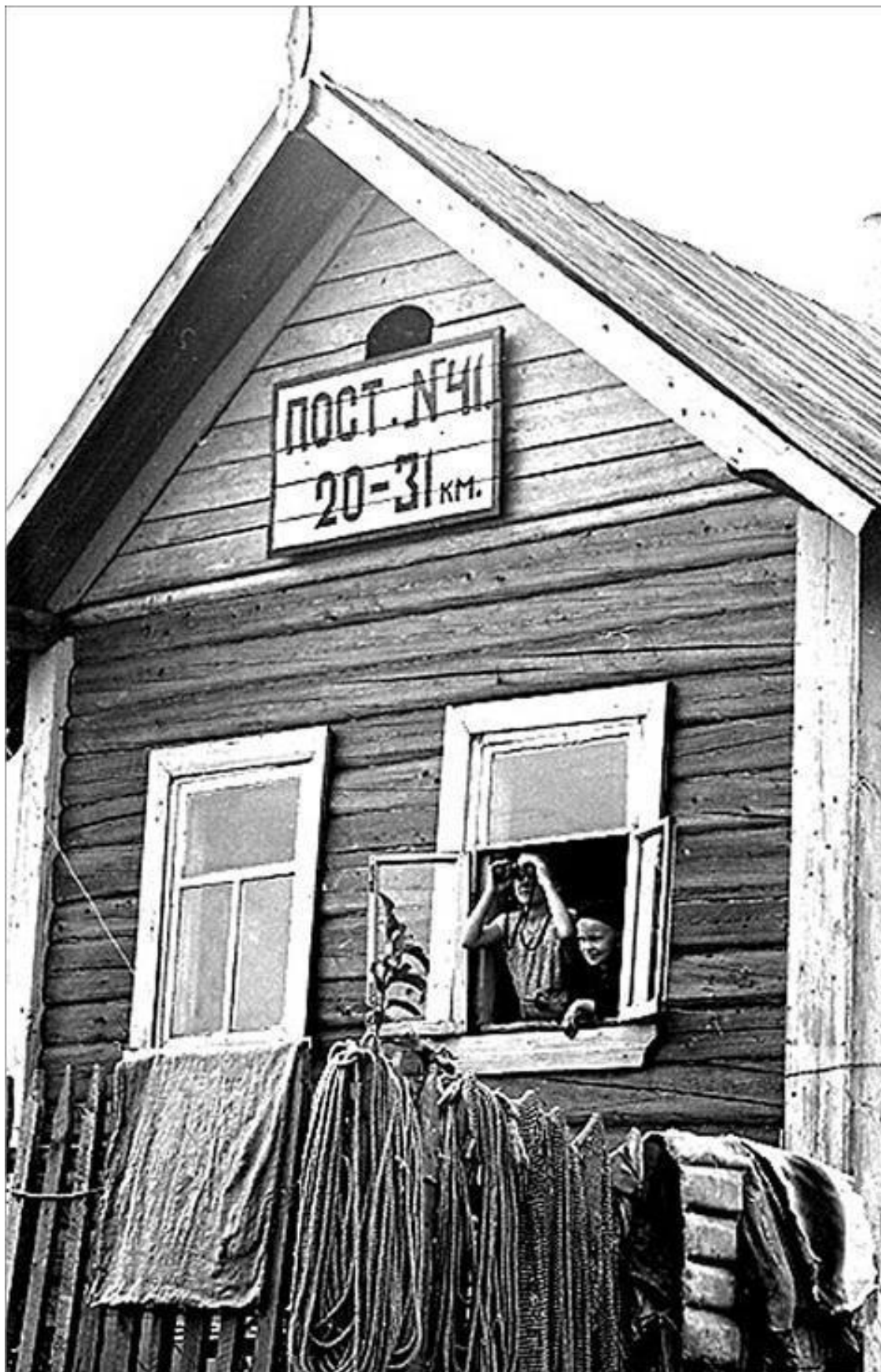
Он возится в сенцах, вытаскивает подвесной лодочный мотор, крепит к лодке и спрашивает:

– Думали, небось, почему огни зажигать не ехал? А у нас автоматика, сами загораются. Мое дело – батареи менять, да не проморгать, если лампы перегорели, или фотоэлемент отказал. Была, правда, у меня полоса диверсий – то один огонь не зажигается, то другой: исчезают батарейки, а кто крадет, ума не приложу. Устроил засаду и поймал ребятишек из соседнего села. Они, оказывается, наладили себе фонарики мастерить. Пошел в школу, всех собрал, рассказал кое-какие истории пострашней из морской жизни, как в войну вслепую суда водили. С тех пор они мне первейшие помощники. Бывает, кто-нибудь к моему столбу корову привяжет попасться. Пацаны тут как тут – Куда вяжешь? Нешто это тебе дерево, столб-то сигнальный. Опасность создаешь государственную!

Подружился я с этими хлопцами, сам им фонарики стал ладить из старых батарей. Верно, попало мне – списанное старье, видите ли, нужно сдавать на уничтожение. И какой дурак это придумал, чтобы при списании все рубить да ломать? Переобогатились мы, что ли? Сколько добра в прах обращают. А почти все на что-нибудь да стодится, хоть бы вот и детям для забавы. Почему, спрашивается, нужно в каждом человеке видеть жулика?

Над горизонтом висит красная рельефная луна, объемная и близкая. Мы идем прямо на нее, разбрызгивая звонкие огненные чешуйки. Мимо проплывают темно-фиолетовые глыбы пароходов. Михалыч весело сообщает: – Уху матросики заварили, вон каким наваристым дымком потянуло. Может, и нам, того, рыбки надергать? До утра времени много, вам, чай, не на работу, и у меня вроде порядок, все светлячки работают.

...Костерок, уха в котелке, и как всегда, лучшая к ней приправа – рыбацко-охотничьи байки. Михалыча слушать интересно, он по этой части дока, и заливать ему не к чему, только никогда не рассказывает про свои охотничьи странности. Я о них знаю от приятеля, зазвавшего меня в гости к бакенцику.

А странности эти такие – может Михалыч просидеть зорьку с незаряженным ружьем, смотрит на птичью хлопотню, да о чем-то своем думает. Или как зимой ходит по лесу с топо-

ром, да рубит петли и самострелы браконьерские, что на лосей поставлены. Правда, об одном случае рассказал все же сам, и то когда попросили.

– Было такое дело в молодости. Пошел на лося, тогда еще на них запрета не давали. Вышел на меня один красавец невиданный – рога до небес, ноги, что у балерины, грудь – корма корабельная. Вытаращился я на него, да так и глазел, пока тот не ушел, даже стволов не поднял. Такой вот конфуз получился...

На обратном пути у нас заглох мотор. Я уже, было, взялся за утреннее занятие – дергать за шнурок, но Михалыч остановил:

– Брось это дело, у меня «велосипед» с характером, пусть себе покуражится. В моторе ведь тоже норов, как в человеке, это я еще с флота понял. Всю жизнь людьми да моторами занимался. Помню до войны назначили меня одно время комиссаром, хоть не имел я в ту пору ни партбилета, ни образования. Прижала необходимость – и в людях разобраться пришлось и за себя взяться: в девять месяцев семилетку осилил, как миленький. Служить тоже оказалось дело непростое. За четверть века чего только не увидишь – один служит, другой – выслуживается, третий прислуживает. Трудней всего служить. Оно же и легче... Ну вот, поболтали, а теперь подержаем...

Над рассветной рекой стелется плоский туман, всхлипывает вода, рассекаемая носом лодки, Михалыч что-то мурлычет, и в этой тишине спокойно и легко думается.

Вот передо мной человек, общительный и разговорчивый. Разные встречаются на земле люди, одни разговорчивы от болтливости, про Михалыча этого не скажешь – ничего пустого он не говорит, все к месту и к делу. Других прорывает, когда подолгу одни живут где-нибудь в глухомани, это тоже не подходит, место здесь бойкое – с одной стороны река, с другой – шоссе. У кого что сломалось – заворачивают к бакенщику, благо он любому механизму поправку сделать может. Для меня ему специально рассказывать тоже вроде бы ни к чему – приятель мой по нашей договоренности не проговорился, что я журналист. Правда, Мишка меня засёк – я не собирался писать о Михалыче, просто приехал на несколько дней отдохнуть, но иногда делал кое-какие записи в блокноте, просто так, для себя, и уходил для этого куда-нибудь в укромный

уголок. Там меня и увидел Мишка – пятилетний племянник бакенщика. Перед этим у меня с ним был такой разговор:

- Почему ты ходишь с грязной рожницей?
- Баню жду.
- Всю неделю так и не умываешься?
- Нет, только сегодня, потому что баню жду...

А теперь Мишка ко мне прицепился:

- Дядь, а ты зачем в книжечку все пишешь?
- Да вот, что замечу, то и записываю.
- Это если не поверят, чтоб показать? И про меня записал, что неумытый?
- Записал.
- Ну, ладно, только никому не показывай.
- Не покажу, и ты молчи про книжечку.

Мишка, как истинный джентльмен, никому ничего не сказал, верней всего сразу и позабыл об этом.

И вот теперь думалось мне, что раскрывает Михалыч перед людьми свою жизнь просто от душевной чистоты, нет у него ни перед кем никаких секретов.

И когда я это понял, захотелось мне написать об этом бакенщике, и назвать очерк – «Человек чистой воды», потому что Михалыч всю жизнь выводил корабли на чистую воду, за это и китель его украсился многими орденами, и каждая награда – это порт, подходы к которому очищены от мин. И носит он свои ордена с достоинством, как и именные часы, с надписью: «Мичману Хрущеву Н.М. за добросовестную службу. Маршал Советского Союза Малиновский. 1956 г.»

И теперь Николай Михайлович продолжает дело всей своей жизни – следит за тем, чтобы судам спокойно плавалось.

Возле домика поста из земли торчит какая-то труба, закрытая крышкой. На крышке буквы – ГУГМС. Спросил про нее Михалыча.

– Это метеослужба поставила, как тебе проще объяснить, вобщем, земля отсюда меряется, вроде бы начинается от меня. Ну, живу я, будто, у центра земли, соображаешь? И я за этот центр в ответе, вроде я на этой точке наиглавнейший человек...

P.S. Очерк я этот написал быстро – летом 1964 года, сразу же, как вернулся из Архангельска, а вот опубликовать его долго не мог – мешала фамилия Михалыча – что-то неудобное усматривали в том, что однофамилец он с первым секретарем ЦК партии. А когда Никиту Хрущева пошарили, опять неудобство – не хотели, чтобы фамилия эта лишний раз перед глазами у публики мелькала... Но потом как-то всё утряслось, и напечатали, – аж в 1965 году, в «Огоньке»...

Звёзды Персея

Тунец – это рыба, а «Тунец» – экспедиционное судно. В Мурманске я его не застал – как всякое уважающее себя морское существо, он находился в море.

– Не волнуйтесь, – успокоил меня диспетчер рыбного порта, у нас каждый день выходит на лов десять-пятнадцать траулеров. Сегодня же вас посадим на РТ-300, он идет в соседний с «Тунцом» район, на нем и доберетесь – дня через два будете на месте. Только поспешите оформить судовую роль.

Пришлось сбегать в поликлинику, пройти медосмотр и получить санитарную книжку моряка, в которой значилось: выход в море не противопоказан. Лишь после этого в Управлении Тралфлота меня внесли в список экипажа судна. Это и есть судовая роль. На какой бы корабль вы впоследствии не пересаживались в море, роль будет следовать за вами, как охранная грамота. Это, так сказать, морская прописка.

Теперь оставалось только ждать отправки и вживаться в роль путешественника, перед которым открыты все просторы морей и океанов. Но так как мой вояж ограничивался одним Баренцевым морем, пришлось своей фантазии подрезать крылья.

Все оказалось просто и прозаично – портовый буксир, опоясанный ожерельем из старых автомобильных покрышек, доставил меня на траулер, капитан которого – молодой человек с солидным стажем полярного рыбака, любезно предложил разделить с ним его отнюдь не обширные корабельные апартаменты.

Загремела якорная цепь, и на судне началась обычная деловая жизнь. Капитан вышел на мостик руководить проводкой судна через Кольский залив, и оттуда время от времени доносились его команды и ответы штурвального:

- Право руля!
- Есть право руля!
- Лева не ходи!

– Есть не ходи!

На палубе вахтенные готовили траловое хозяйство. Без спешки, но очень споро они распутывали многочисленные тросы, веревки, сети. Посредине всего этого нагромождения стоял человек в высоких резиновых сапогах – тралмейстер. По мановению его руки каждая деталь снасти ложилась точно на свое место вдоль борта.

Внизу, в кают-компаний все свободные от вахты крутили кино. Одна картина следовала за другой. Зачем? Ведь фильмов всего десять, а рейс продлится месяц. Можно бы, не торопясь, все просмотреть. Но, как выяснилось, потом времени для этого уже не будет – пойдет рыба. И тогда не до развлечений – только вахта, подвахта и сон. В дни удачного лова вся команда занята спуском и подъемом трала, обработкой рыбы – судном управляют только два человека – капитан на мостике и старший механик в машине. Кино смотреть не хотелось, и чтобы никому не мешать, я занялся изучением капитанской библиотеки. На книжной полке, тесно прижавшись переплетами, Пушкин и Ремарк соседствовали с лоджиями, учебниками по навигации и другими книгами с мудренными морскими названиями, а на столике были грудой навалены инструкции, долговременные и краткосрочные промысловые прогнозы, какие-то специальные журналы. Один из них привлек мое внимание.

На синей обложке значилось: «Полярный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М.Книповича. Научно-технический бюллетень», и был изображен флажок с семью звездами на синем поле.

Что такое ПИНРО (так сокращенно называют этот институт) я знал, а вот значение флажка было для меня загадкой. Половину ее мне открыл капитан, забежавший на минуту в каюту:

– Звездочки? Так это же созвездие Персея. А вот какое отношение они имеют к ПИНРО... Вообще-то у них и научное судно есть, тоже называется Персей, но какая здесь связь, сказать затрудняюсь.

Перед самым выходом из Кольского залива зашли в Тюва-губу – заправляться.

Причал и суда выглядели совсем миниатюрными у подножья крутой горы, на склонах которой между огромными камнями прилепились отдельные домики поселка, а улицами служили деревянные лесенки и мостки с перильцами.

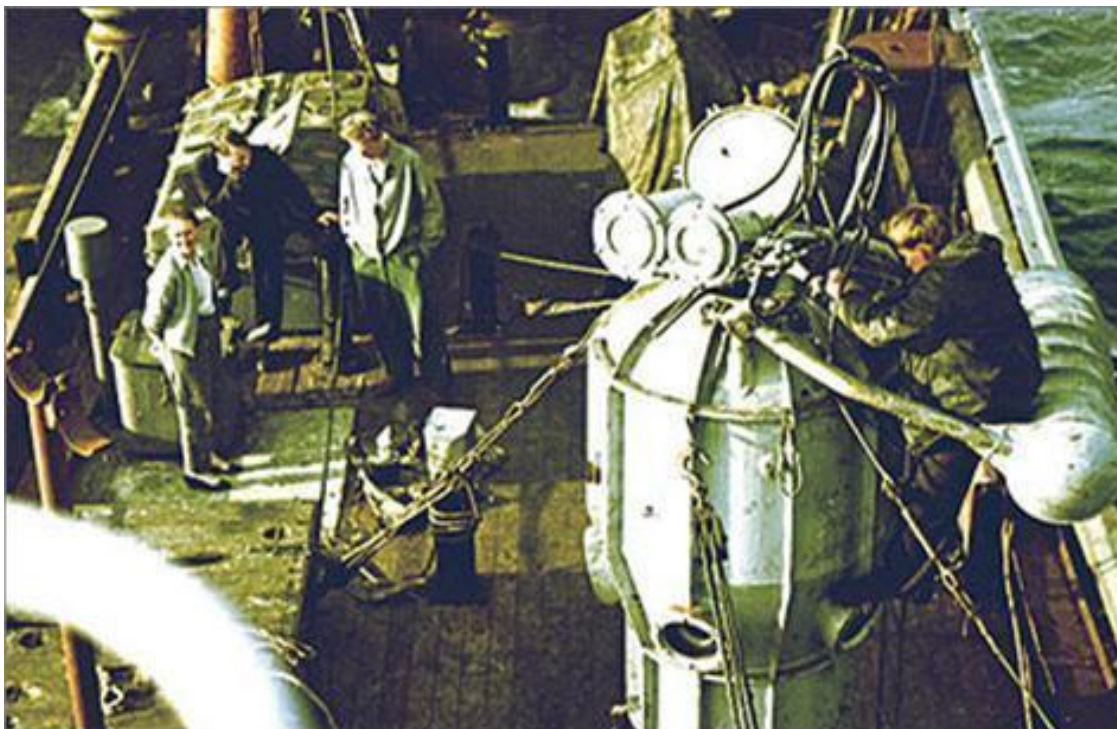
По трубопроводам в танки корабля мощные насосы закачивают топливо и воду, а по длинным жестяным желобам в открытые трюмы с треском летят куски льда и соль. Скалы у пирса сплошь исписаны названиями судов – это своего рода визитные карточки, тут – последняя земля перед долгими морскими походами. На рейде ожидают своей очереди другие траулеры, а загрузившиеся дают прощальные гудки и, окутавшись дымом, уходят в бледные сумерки. Недавно только окончился полярный день, и солнце еще очень ненадолго уходит со своего боевого поста.

На следующий день над морем сгустился туман, и мы движемся, ощупывая путь радиолокатором. Я страшно волнуюсь, что не найдем «Тунца», идущего нам навстречу, и тревожно поглядываю на невозмутимое лицо капитана.

Рандеву состоялось под вечер. Маленькая черная точка на прояснившемся горизонте постепенно вырастает до размеров нормального корабля, и еще через полчаса, после манипуляций со шлюпкой, приплясывающей на свинцовой зыби, в Мурманск уходит радиограмма: «Корреспондент «Огонька» принят на борт».

Мне повезло: начальником экспедиции на «Тунце» оказался Олег Николаевич Киселев, с которым мы были знакомы по Мурманску – встречались в ПИНРО, где он заведует лабораторией новых методов разведки рыбы. Горячий энтузиаст освоения Заполярья, зачинатель подводных исследований на севере, он уже четверть века шаг за шагом изучает природу этих суровых широт. Более семидесяти научных экспедиций, в которых он участвовал, помогли раскрыть многие тайны Арктики. С юношеских лет Киселев страстно увлекся идеей проникнуть

в глубины моря, подарить их богатство людям. Сначала это было возможно лишь с помощью гидроакустических приборов, потом для разведки рыбы начали использовать гидросамолеты, а несколько лет назад он проник непосредственно в морское царство в первом гидростате, позволявшем опускаться на глубину до двухсот метров. Потом ходил на научной подводной лодке «Северянка», работал с гидростатом «Север-2», – аппаратом, способным достигать предельных глубин Баренцева моря.

Этот необычного вида прибор я и заметил еще со шлюпки. Возле гидростата хлопотало несколько человек, а он мрачно поблескивал на них кружками своих иллюминаторов, чем-то напоминающих глаза осьминога. И весь он, похожий на перевернутую стальную грушу, казался гигантским кальмаром, потерявшим вдруг свои щупальца.

– Идите и быстрее устраивайтесь – заторопил меня Олег Николаевич, – и сразу приходите в ходовую рубку – сейчас будет погружение. Церемониал знакомства с людьми проведем в рабочем порядке.

К началу погружения я все же опоздал. Гидростата на палубе уже не было, только метр за метром уходил в воду ваерный трос. На мачте трепетали два сигнальных флага: «Не подходить! Веду подводные работы! «

Зеленый глазок на пульте управления сообщает, что связь работает нормально.

Неожиданно для меня из динамика вырывается звонкий девичий голос:

– Олег Николаевич, вижу грунт!

– Стоп!

– Есть стоп! – отозвалось где-то на палубе, и трос замер.

– Осмотритесь, Светлана Сергеевна, и сообщите, что видите.

Дежурный у пульта записывает в журнал различные малопонятные для меня данные, а Киселев рассказывает об обладательнице звонкого голоса Светлане Дробышевой.

Окончив Московский рыбный институт, она сама попросилась работать на север и, не успев еще путем в Мурманске устроиться, отправилась в первую свою морскую экспедицию. Шли годы, сменялись экспедиции, она собрала богатый материал по гидробиологии моря, закончила заочную аспирантуру, защитила диссертацию, стала подводным исследователем.

– И учтите, – добавил Киселев, – первая в мире женщина, опускающаяся в подводном снаряде на большие глубины! Это, правда, не космос, но все же...

Проходит час, и затем грустный голос Светланы сообщает, что рыба вся ушла, ничего нет – как в пустыне.

– Ничего, – успокаивает ее Олег Николаевич, – продолжайте наблюдать. Бывает, просидишь два часа впустую, а потом вдруг увидишь такое интересное... Терпение и настойчивость наши главные союзники...

И Светлана терпеливо ждет и от нечего делать поет пионерскую песню о том, как хорошо в стране советской жить, быть ей полезной, на луну слетать и перегнать все рекорды мира.

– Вижу косяк трески, – радостно оживает динамик, – Только какое-то странное поведение рыбы: выскакивают из стаи, катаются по грунту...

– Что я говорил! – ликует Киселев, – терпение – золото. То, что вы видите, очень интересно, теперь вы будете знать, как рыба порой развлекается.

Но косяк прошел, и Светлана опять заскучала.

– Приготовиться к подъему! – командует Киселев. Я бегу за фотоаппаратом, чтобы сделать снимок выходящей из морских глубин отважной женщины, но на сей раз мне это не уда-

ется. На пути в каюту меня перехватывают репродукторы судовой трансляции: – «Корреспонденту приготовиться к погружению, одеться потеплее, и на палубу!».

Гидростат пришвартован к борту, Светлана уже у баковой лебедки возится с планктонной сеткой – готовится брать пробу.

Попадаю в распоряжение инструктора – водолаза. Втискиваемся с ним в гидростат, и он объясняет:

– Не волнуйся, штука надежная, в Ленинграде построили, на Балтийском заводе, фирма солидная.

Сам испытывал первый раз. Предельная глубина погружения шестьсот метров, я, правда, с десятков перебрал, и еще можно было бы, но не разрешили... Вот здесь приборы – глубиномер, газоанализатор, компас, барометр. Под сиденьем – регенерационная установка, воздуха хватает на семь часов – как раз на полный рабочий день. Время от времени проверяй – если теплая, значит все в порядке. Прожекторами будешь управлять с помощью вот этих рукояток – свет направишь, куда потребуется. О связи не заботься – ни микрофона, ни наушников нет, просто говори и слушай, все смонтировано на стенке. А вот аварийное оборудование – этим ключом отдаются рымы и перерезается кабель. Другим отвертывается груз. Гидростат хоть и тяжелый,

но всплывает как пробка, сам проверял, делал аварийное всплытие. Можешь не волноваться, полагаю, этими ключами пользоваться не придется. Поднимать будем сразу, никакие остановки для выдержки не нужны, кессонной болезни здесь не бывает. Все ясно?

– Все.

– Ну, с богом, с Нептуном!

Задраен люк, грузовая стрела медленно поднимает гидростат, отводит его от борта и сразу же окунает в воду. Прилипаю к иллюминатору. Уплывает вверх корпус корабля, заросший волоконцами бурых водорослей. Они свисают, как свалявшаяся шерсть на верблюде. С шипением, напоминающим вырвавшееся из бутылки шампанское, уносятся пенящиеся гроздь воздушных пузырьков, и потом – полная тишина. Быстро сгущается мрак, вода из голубой становится темно-синей, почти фиолетовой. Сбоку змеится черный жгут кабеля и снизу вверх проносится наискосок какая-то белая метель, как будто идет густой снег. Потом вдруг остановка. Метель теперь идет горизонтально – здесь сильное течение.

– Двадцать пять метров, – сообщают сверху, – осмотритесь.

Зажигаю внутреннее освещение, проверяю и докладываю:

– Все в порядке, течи нет,

– Ясно! – звучит у меня под ухом голос Киселева. – Пошли дальше!

Опять замелькала метель. Спрашиваю, что это такое? Оказывается, планктон – различные мелкие существа, населяющие толщу воды. Становится почти совсем темно. Каждые двадцать пять метров остановка, быстрая проверка и неизменное:

– Пошли дальше!

Потом предупреждают: – Внимание! Подходите к грунту!

Гидростат зависает. Это наверху в рубке за мной следят по эхолоту – самописец все время фиксирует положение аппарата по отношению ко дну, и момент «приземления» им виден лучше, чем мне.

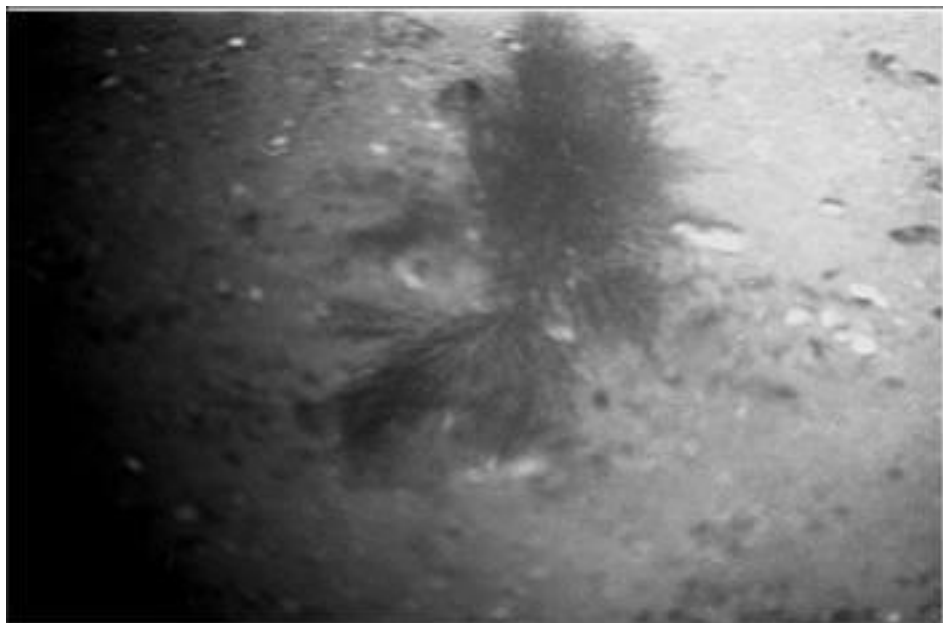
Включаю прожектора и направляю их вниз. Там что-то светлое, скорее догадываюсь, чем вижу, что это дно моря.

– Начинаем медленно приближать, следите!

Старательно вглядываюсь в светлое пятно, и когда грунт начинает набегать, как земля под ноги парашютисту, кричу:

– Стоп!

Впервые в жизни вижу дно не где-нибудь у берега, а в открытом море, на большой глубине. Оно удивительной формы – длинные – длинные песчаные борозды, похожие на барханы, уходят в стороны и теряются во мраке. На них даже что-то растет.

Кручу прожектор. В его лучах появляются серо-зеленые актинии. Они медленно покачиваются на толстых ножках – вылитые грибы-боровики. Несчетное количество морских ежей, они кажутся темными комочками. Между ежами замерла звезда с толстыми растопыренными лучами, неопрятная и несуразная, как старая выброшенная перчатка. Я знаю, что она яркая, красная, но здесь ее цвет неопределенный, какой-то желтовато-бурый. Это неудивительно – уже верхние пятнадцать – двадцать метров воды полностью поглощают красно-оранжевую часть спектра.

Как маленькие хрустальные дирижаблики, радужно сверкая гранями, проплывают мимо иллюминатора прозрачные гребневики.

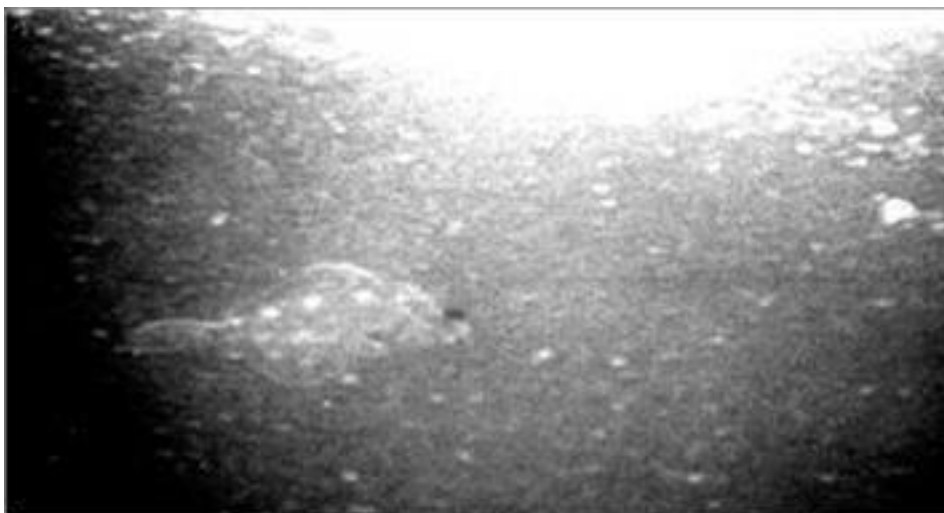
Между «барханами» густо насыпаны осколки ракушек, а по ним, влекомые течением, медленно катятся похожие на перекасти-поле клубки водорослей.

Наблюдать очень удобно: иллюминаторы находятся на уровне глаз, их пять, только крутись от одного к другому на вертящемся стуле. А вот снимать сложно – свет прожекторов слабават...

Смотрю в другую сторону и вижу большой обросший камень, этакий подводный пень. К нему прилепились две голотурии, иначе называемые морскими огурцами. По-моему, они скорее похожи на хохлатые дыни.

Проплыла одинокая пикша с черным пятнышком на боку. Ткнулась мордой в стекло и ушла вниз.

Прижимаясь к грунту, приползла камбала и улеглась на песок в луче прожектора, передвинул свет, она снова улеглась в центре светового пятна, помахала своими тряпичными боками, засыпалась песком и только нос торчит. Еще покрутил прожектор – повторилось то же самое.

Куда-то направился бычок, рябой и взъерошенный, но путь ему пересекла треска. Бычок притаился и замер. С другой стороны появилась другая треска, встретила с подружкой, столкнулись носами, как поцеловались и, задрав кверху хвосты, начали усердно копать в песке. Бычок успокоился, переплыл на камень, улегся на бок, свесил голову и лежит, отдыхает...

Тишина, Только где-то далеко-далеко четко постукивают серебряные молоточки – это работает эхолот.

– Как вам кажется, сколько вы сидите? – спрашивают сверху.

- Минут двадцать.
- В динамике хохот.
- Полтора часа! Сейчас будем поднимать, а то на камбуз опоздаете, у нас сегодня полярная окрошка.

Подъем быстрый, без остановок. Стремительно светлеет. Опять метель, только уже сверху вниз. Промелькнул красный зонтик большой медузы, именуемой Цианея арктика, свет становится просто ослепительным, видны туманные очертания корабля, уже можно разглядеть руль и винт. У поверхности воды играют солнечные блики, от них вниз врезаются косые клинки лучей. Сквозь этот полупрозрачный потолок угадываются голубизна неба и облака. Гидростат выходит на поверхность, в иллюминаторы врывается яркий «земной» солнечный свет, и я уже у борта. Гулко гремит ключ, отворачивающий болты, и в круглом отверстии люка появляются улыбающиеся лица.

– Ну, как, здорово?

В ответ только развожу руками: вопрос излишний.

А на смену мне идет уже следующий наблюдатель. День за днем в различных точках моря погружается гидростат, и когда в конце рейса можно будет обобщить все виденное, наука обогатится новыми данными, и материалы экспедиции можно будет в самом прямом смысле назвать глубокими.

За ужином мне, как перворазнику, была выдана двойная порция полярной окрошки. Она отличалась от нормальной лишь тем, что огурцы в ней были соленые, лук репчатый, укроп сушеный. Квас, картошка и мясо – обыкновенные.

Ритм жизни на «Тунце» был весьма напряженным. Подводные наблюдения входили лишь составным элементом в общий комплекс работ. Ведь один гидростат не может дать полную картину условий жизни обитателей морских глубин. Каждый участник экспедиции, отстояв, или вернее сказать, отсидев свою вахту на дне моря, брался за другие дела, каждый по его специальности. Гидролог во время остановок отправлялся на корму, включал маленькую лебедку, цеплял на тросик батометры, и они один за другим исчезали в глубине, чтобы принести оттуда пробы воды, взятые с разных горизонтов.

Специалисты по гидроакустическим приборам днями и ночами колдовали в рубке над эхолотом и гидролокатором, сравнивая их показания с тем, что видно из гидростата. Ихтиологи, вооружившись ножами, дожидались конца траления, и как только матросы вытряхивали из сети добычу, с решительным видом принимались ее потрошить. Им позарез нужно было узнать, что у каждой рыбы в желудке, какое кушанье ей более всего по вкусу. Все это суммировалось и записывалось в журнал. Светлана Дробышева, как я уже упоминал, брала пробы планктона. Лебедка вытаскивала вверх белый конус сетки, оканчивающийся стеклянным стаканчиком, Светлана бережно переливала его содержимое в баночку, отправлялась в тесную корабельную лабораторию и там подолгу сидела над микроскопом. Мне было очень любопытно узнать, что разглядывает она в этой слегка мутной водичке. Я попросил у нее разрешения тоже взглянуть в микроскоп.

И тут капля воды сразу превратилась в целый мир, населенный странными существами. Одни были необычайно подвижны, и глаз не успевал следить за их беготней, другие же не трогались с места, или очень вяло шевелились.

– Это кого же вы наловили, шустриков и мямликов?

Светлана удивилась такому ненаучному подходу к своим «подопечным» и стала меня просвещать:

– Видите маленьких рачков с ножками, похожими на весла? Это калянус. Другие – с черными точечками – капшак. Ангелочек с двумя крылышками – микроскопический моллюск. А вот эта покрытая волосками палочка называется афродита...

– Афродита, и вдруг мохнатая, забавно!

– Несерьезный вы человек, – засмеялась Светлана, – все время какие-то сравнения ищите. Причем тут богини и герои детских книжек и передач? Это просто-напросто планктон, и все тут. Основную часть его в Баренцевом море составляют рачки. Море наше сравнительно мелководно и богато населено организмами. В различное время года планктон перемещается, а так как он является для рыбы основным продуктом питания, то она всегда образует скопления там, где есть корм. Следовательно, изучение закономерности миграции кормовой базы поможет довольно точно знать, где и когда искать рыбу. Конечно, при этом надо учитывать и результаты авиаразведки, пробных тралений, наблюдения гидрологов и метеорологов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.